

№ 1.

8 ДЕКАБРЯ 1905 Г.

ЕЖЕНЕДЕЛЬНО.

Цена № 7 коп.

Отъ редакціи.

Нашъ союзъ „Фонариковъ“, съ общей и тайной подачей голосовъ за освѣщеніе темныхъ сторонъ жизни и фактовъ, поставилъ себѣ задачей бороться всѣми силами пера и карандаша противъ всего, что союзу будетъ не по душѣ.

Множество красныхъ, лиловыхъ, оранжевыхъ и просто грязныхъ макулатуръ, появившихся подъ трескъ пулеметовъ и подъ звуки „чужихъ“ революціонныхъ мелодій, создало намъ такую колоссальную конкуренцію, что мы въ одинъ прекрасный день рисковали остаться безъ помѣщенія; типографіи всѣ заняты и нѣкоторыя работаютъ даже на паяхъ съ людьми извѣстнаго и неизвѣстнаго направленій, а помѣщенія для редакцій уже сняты по контрактамъ на 20 лѣтъ...

Редакція „Фонаря“, съ перваго момента своего существованія, очутилась въ безвыходномъ положеніи.

Квартиру на Шпалерной нашли неудобной, благодаря крупнымъ формальностямъ съ прокурорскимъ надзоромъ, квартира Г. Побѣдоносцева, хотя и „темна“, и мы ретивые „Фонарики“ освѣтили бы ее скоро, но охраняющіе ее два городовыхъ такъ замахали шапками, что мы предпочли отправиться далѣе.

Наши преданные „Фонарики“, изъ Академіи Художествъ, положительно заявили, что теперь сдается множество дворцовъ и отелей на Англійской, Дворцовой и Французской набережныхъ и притомъ на неопредѣленные сроки.

Слухи эти однако, какъ и всѣ слухи, оказались „преждевременными“.

Тогда мы толкнулись на Миліонную, не сдается ли квартира бывшаго генералъ-губернатора Трепова? Увы! Она оказалась налужо забита щитами...

Вспомнили, что графъ Витте имѣетъ хорошую квартиру, но наклѣкъ о сдачѣ имъ „свободныхъ помѣщеній“, не оказалось.

Тутъ одинъ знакомый коммисіонеръ, по продажѣ раззоренныхъ усадебъ въ разсрочку, далъ намъ мысль осмотрѣть квартиру адмирала Алексѣева, нынѣ благополучно здравствующаго, для поправленія разстроенаго здоровья, за границей.

Оказалось, что она оплачена казною на 40 лѣтъ впередъ по 12000^{р.} въ годъ, съ правомъ пользованія ею всему нисходящему и восходящему потомству адмирала...

Оставалось заглянуть на Пески, идѣ, при благосклонномъ участіи дворниковъ, намъ удалось снять временно пятый этажъ въ домъ № 22, по Деятарному переулку.

40,000 въ годъ.

Что-жъ, цѣна не дорогая,—если съ каждаго подписчика намъ останется только по 1 р., то и тогда за годъ получится у насъ чистаго дохода около 274,000.

«Фонарь».

Депутатъ отъ дворянства въ Государственную думу.

рис. Л. Ч.

„Послѣднее прости“, или „Москва слезамъ не вѣрить“.

Изъ пѣсенъ Мракобѣсцева.

(По телефону изъ Москвы).

Собранье опытныхъ людей,
Почти отъ самаго начала,
Богатство мыслей и идей,
Предъ каждымъ въ мірѣ расточало...

Но изо всѣхъ рѣчей одна
Меня всѣхъ больше искусила:
Въ ней обозначилась до дна
Людская немощность и сила!

Въ ней говорилъ одинъ чудакъ,
Что нужно въ пику группамъ стайнымъ,
Дать людямъ свѣтлый полумракъ,
И автономію окраинамъ!...

«Молчи,—я рекъ,—не этихъ тайнъ
Я жду отъ новаго Мессіи!
Вѣдь «автономія» окраинъ—
Есть «анатомія» Россіи!...

В. Жуковъ.

Не слышно залповъ канонады...
Въ потокахъ крови городъ спалъ,
Въ дверяхъ дворца,—боясь засады,
Гигантъ низвергнутый стоялъ.
И думалъ онъ:—„за что судьбою
Мнѣ посланъ грустный столь конецъ,
Зачѣмъ „предательской рукою“
Измятъ диктаторскій вѣнецъ?
Я мыслилъ: юную Россію—
Очистить кровью отъ плевелъ!..
Но... провозвѣстника, Мессію...
Никто и слушать не хотѣлъ!..
Ни въ комъ не зря себѣ участя
Я сталъ „патроновъ не жалѣть“
И безразсудствомъ самовластья
Самъ для себя же свилъ я плеть!
И задыхаясь отъ мести,
Не сдалъ корабль свой—весь въ крови,—
А дни мои текутъ безъ лести,
Безъ вдохновенья и любви!..
Но я отмщень! Пройдутъ столѣтья,
Жизнь вступитъ въ новое русло...
И долго будутъ многолѣтья
Вздыхать—„какъ Трепову везло“!!!
Привѣтъ Вамъ, славные собратья,
Мы—память создали себѣ!..
Тебѣ-жъ, „измѣнница“, проклятья
И гибель въ радостной борьбѣ!!!“

Смахнувъ слезу, и бросивъ полный,
Непримиримой злобы взглядъ,
Онъ тихо скрылся... Бились волны...
Да, проходя, зѣвалъ „нарядъ“!

Г. П. К—овъ.

Сентенція.

Желая насъ вернуть домой,
Подъ сѣнь деревни и аула,
Холерой страшной и чумой,
Насъ бюрократія пугнула...
Все это сводитъ насъ съ ума,
И пробуждаетъ отъ апатіи...
Но все жъ холера и чума,
Куда пріятнѣй бюрократіи!

Апулей.

Министерскія пѣсни.

(Кто о чемъ поетъ):

Министръ Финансовъ (теноръ).

Ахъ, вы, Сашки, канашки мои,
Размѣняйте-ка бумажки мои!
А бумажки все новенькія,
Двадцѣ-ти-пяти-рублевенькія.

Министръ Путей Сообщенія (басъ).

Гдѣ ты лѣность, гдѣ ты нѣга,
Русской юности краса?
Пропaday моя телѣга,
Всѣ четыре колеса!..

Министръ Юстиціи.

Разъяснилъ дѣвицѣ я,
Разводя руками:
Есть цвѣтокъ «юстиція»,
Да и тотъ съ крючками!..

Министръ Земледѣлія.

Возлѣ рѣчки, возлѣ моста,
Травка выростала!
А въ итогѣ—очень просто,
Ничего не стало!

Оберъ-прокуроръ.

На березовой печи,
Изъ дубовой ели,
«Аллилуія» кирпичи
Въ перегонку пѣли.

Военный Министръ (Шимоза).

Громъ побѣды раздавайся,
Ну, а ты мой генераль,
Хоть пять тысячъ разъ сдавайся,
Не нарвешься на скандалъ!..

Министръ Народнаго Просвѣщенія.

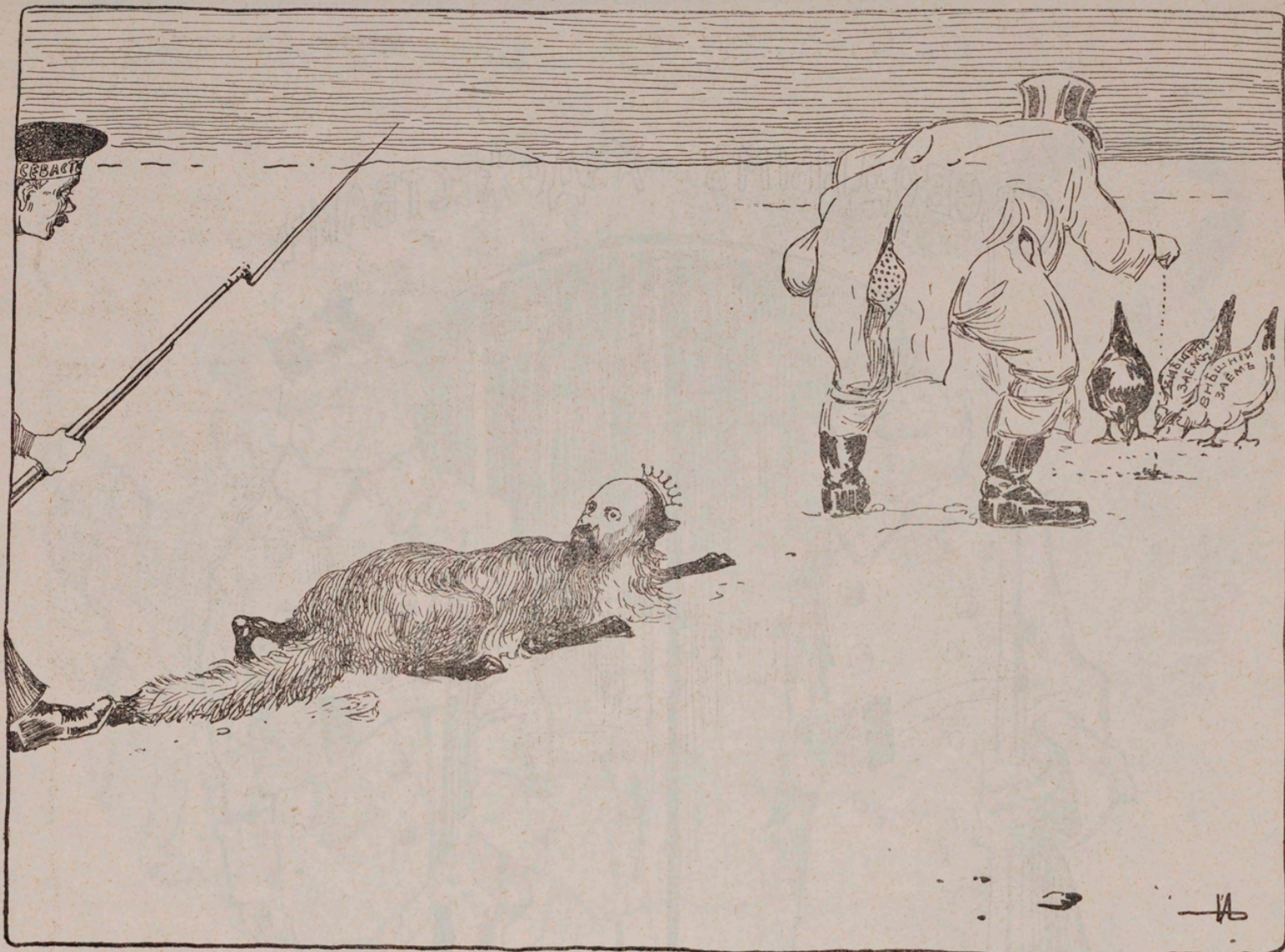
Азъ, буки, букашки,
Вѣди, таракашки,
Глаголь—кишки,
Добро... служба... денежки!..

Самъ Сонъ.

ВЪ АЛЬБОМЪ N.

Когда я встрѣтился съ тобой,
Тогда была ты либералкой,
Идущей смѣло на убой,
Не содрогаясь передъ палкой!
Но я женился на тебѣ!
Ты занялась семейной чисткой,
И въ пику всяческой судьбѣ,
Вдругъ оказалась... монархисткой!..

Обогатить хотѣлъ Петрополь
Извѣстный міру русскій графъ,

Дисциплина.

Пережитокъ послѣднихъ дней.

Полковой командиръ дѣлаетъ выговоръ батальонному:

— Послушайте, Николай Ивановичъ,—говоритъ онъ,—послушайте, дорогой мой! Такъ нельзя ходить на смотру, какъ ходитъ вашъ батальонъ!.. Вразумите... особенно командира шестой роты... Не забудьте, что у меня сегодня винтъ... Вотъ единственное мѣсто, гдѣ вы можете ходить, какъ хотите...

Батальонный призываетъ командира шестой роты и говоритъ:

— Нѣтъ-съ... Петръ Ивановичъ... такъ нельзя съ, это не винтъ, чтобы ходить такъ, какъ ходитъ ваша рота на смотру... Ренонсъ!.. Понимаете?.. Полный ренонсъ нашему авторитету...

Командиръ роты кричитъ:

Подпоручикъ Ивановъ 319-ый! Я такъ и зналъ. Вы трясетесь? Вы чувствуете свою вину... Но государственному дѣлу отъ этого не легче! Ваша полурота ходитъ, точно въ Акульки играетъ...

Подпоручикъ Ивановъ 319-ый ураганомъ набрасывается на отдѣленнаго начальника:

— Подъ судъ отдамъ,—кричитъ онъ,—шеvronы сорву... Что сдѣлала наша полурота?.. развѣ мы ходили! Врешь! Даже въ три листика не ходятъ такъ, какъ ходили наши полуроты.

Унтеръ подзываетъ ефрейтора:

— Ты что же? А?—кричитъ онъ,—службу позабылъ... Вздвѣдь, точно бабы по гороху, на смотру ходитъ, а онъ и въ усь себѣ не дуется! Да я тебя даже во снѣ маршировать заставляю... Изотру!.. Съѣмъ, проглочу и безъ вѣсти пропадешь...

Ефрейторъ выстраиваетъ шеренгу.

— Сми-и-р-но-пѣ!.. кричитъ онъ, — глаза на лѣ-ѣ-во-пѣ!

(Слышится звукъ палочки пробѣгающей по частоволу...)

Шеренга вернулась въ помѣщеніе роты, оставивъ на плацу двадцать шесть зубовъ, скулу и три подвусника.

Дисциплина подтягивается и сладко зѣвая говоритъ:

Можно спокойно заснуть! При такой системѣ воинскаго воспитанія бунты и возмущенія невозможны...

А утромъ кричали телеграммы изъ Кронштадта... Севастополя... Владивостока...

C'est moi.

Но тамъ мѣшаетъ Севастополь,
А здѣсь мѣшаетъ телеграфъ.

Новости подъ рукою.

— Слыхали! Генераль-губернаторство то у насъ упразднили! Что это значитъ?...

— Это... это значитъ „трепанация“ власти!

* * *

Ребенокъ, въ коляскѣ со своимъ отцомъ, читаетъ на Морской вывѣску: „Восьмой флотскій экипажъ“ и потомъ, обратившись къ отцу спрашиваетъ: Папа! А этотъ экипажъ тоже на резиновыхъ шинахъ?

* * *

— Почему мы проиграли Манчжурскую компанію?

— Да потому, что тамъ собралась очень плохая компанія... генераловъ.

* * *

Въ клубѣ.

— Адмиралъ! Вамъ сдавать!

— Милсдаръ! прошу безъ намековъ!

* * *

Меню бюрократа.

Щи по погайски,
Мечъ—рыба подъ краснымъ соусомъ,
Битки по казацки,
Артишоки въ обѣ щеки,
Мороженное—бомбочки.

* * *

Экспромтъ чиновника.

Правительство все ново,
Я вѣрую въ него!
И ничего дурного
Не вижу въ Дурново!

Тихо туманное утро въ столицѣ,
По улицѣ медленно дроги ползутъ,
На дорогахъ останки дурного режима,
На свалку везутъ... на свалку везутъ...

А. З.

С О Н Ъ.

Предо мной въ неземномъ сновидѣннѣ,
Словно въ сказкѣ предстала страна:
Преисполнена свѣтлыхъ видѣній
И любовію братской полна.
Не знакомы тамъ злоба и горе,
Всѣ, какъ дѣти тамъ чисты душой,
Мощной правды широкое море
Тамъ вздымаетъ волна за волной.
Клеветы не видать безпощадной
Въ лжи погрязшихъ порочныхъ людей,
Нѣтъ тамъ скуки и лѣнности праздной,
Нѣтъ тамъ пошлыхъ и мелкихъ страстей.
И не вѣдали тамъ преступленій
Нѣтъ враговъ и кровавой войны.
Тамъ царитъ свѣтлый духъ всепрощенья
Свѣтитъ яркое солнце любви.
Въ казематахъ сырыхъ и холодныхъ
Не томится преступникъ въ цѣпяхъ
Нѣтъ тамъ сырыхъ, больныхъ и голодныхъ
Нѣтъ тамъ ада въ душистыхъ цвѣтахъ.

Но пропали волшебныя грезы
И разсѣялся нѣжный нюансъ...
Я проснулся... исчезли видѣнья...
Посмотрѣлъ... о какой диссонансъ!..

В. З—на.

Наши дѣятели.

По русскимъ поэтамъ.

Витте.

Ужъ не жду отъ жизни ничего я,
И не жаль мнѣ прошлаго ничуть;
Я ищу свободы и покоя:
Я-бъ хотѣлъ забыться и уснуть...

Дурново.

Я тотъ, чей взоръ надежду губить,
Едва надежда расцвѣтетъ,
Я тотъ, кого никто не любитъ
И все живущее клянетъ...

Трепову.

И на помостъ высокомъ
Поплачусь я головой
За разгульныя потѣхи
Съ разудалой голытьбой.

Стесселю.

Не откажутъ тебѣ въ подаяніи,
Не умрешь ты безъ крова зимой;
Жаль разумное Божье созданье—
Человѣка въ грязи и съ сумой.

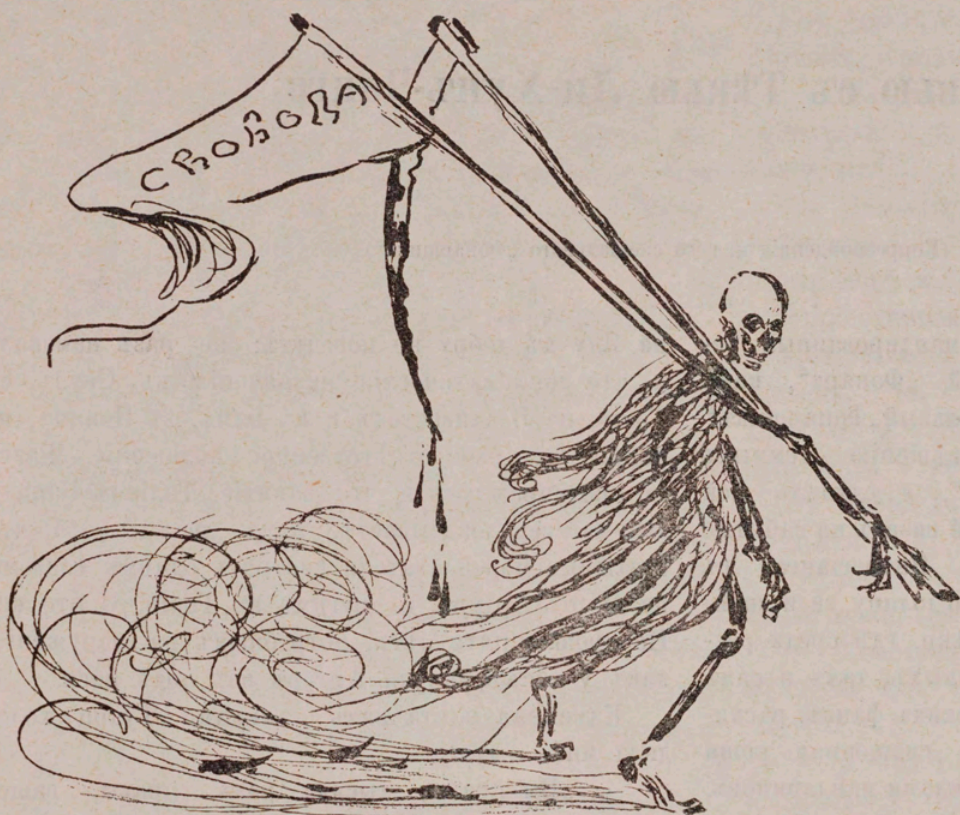
Рождественскому (по пути къ Цусимѣ).

Быстры, какъ волны,
Дни нашей жизни,
Что часъ, то короче
Къ могилѣ нашъ путь.

Небогатову.

Когда-жъ постранствуешь, воротись домой,
Хоть судъ свершится надъ тобою роковой...
Но дымъ отечества все-жъ сладокъ и пріятенъ.

Вспомнилъ Черженъкій.

О смертной казни.

(Полуисторические факты).

Антонъ Ковальчукъ былъ приговоренъ къ смертной казни...

Утромъ, когда его вели къ эшафоту, священникъ напутствовалъ его синодальными рѣчами.

— Мой сынъ,—говорилъ онъ,—не падай духомъ... Ты отходишь въ область вѣчнаго счастья и удовольствія!

— Не вѣрю!—отрѣзалъ приговоренный.

— Почему же?

— Да потому, что я былъ бы теперь живъ!..

— Какъ такъ?

— Такъ какъ та область, о которой ты говоришь, была бы давно уже занята попами и прокурорами! Они вѣдь такъ любятъ благополучіе.

Когда вѣшали студента Горнаго Института на Семеновскомъ плацу, онъ громко сказалъ, поглядывая на ипподромъ:

— Хм... Самое подходящее мѣсто... для... рысаковъ!

— Что это такое?—спросили Марата, указывая на гильотину.

— Это,—отвѣтилъ всегда находчивый революціонеръ,—это... государственная бритва!

Софья Перовская была въ дѣтствѣ другомъ бывшего министра юстиціи Муравьева.

Какъ-то катаясь съ ней Муравьевъ чуть не опрокинулъ лодку.

МОЛОТОЧКИ.

— Боже мой!—сказалъ Тараканъ, сидя подъ решетомъ,—дырокъ много, а выйти некуда!

Серега, пройми ухо—(народная пословица).

— Откуда берутся эти казаки?—спросила баба, во время стрѣльбы, у фабричнаго, стоявшаго на манифестаціи 18 октября.

— Вѣстимо откуда,—отвѣчалъ фабричный,—казакъ казака родить.

яноТ

— Коля!—закричала Перовская,—у меня даже „мурашки“ по тѣлу пошли!..

— Подожди,—сказалъ тотъ,—онѣ еще и не такъ пойдутъ...

Эти „мурашки“ ощутила Перовская потомъ на эшафотѣ.

Укладывая голову подъ гильотину Робеспьеръ сказалъ:

— Какая масса нравственныхъ волненій, чувствую что завтра у меня весь день будетъ болѣть голова!..

Извѣстный палачъ Красносвекольниковъ говорилъ:

— Я поролъ людей ежедневно, но никогда не допускалъ мысли быть редакторомъ „Гражданина“!

Еврей около вѣсилыцы сказалъ:

— Ну развѣ можно образумить нашево интенданство... оно даже вѣшаетъ на прошлогодней веревкѣ!

— Долой смертную казнь!—крикнуло современное общество.

— Но вѣдь это равносильно смертной казни для насъ!—сказали доктора.

Старый анекдотъ:

— Бѣдный Коляевъ!.. За что его повѣсили?..

— Гм... очевидно... за шею!

Криминаль.

Интервью съ Тѣнью Ли-Хунъ-Чанга.

(Корреспонденція нашего спеціального „Фонарщика“).

Командированный редакціей „Фонаря“, какъ спеціальнѣйшій „Фонарщикъ“ по освѣщенію „темныхъ мѣстъ“, я сдѣлалъ мой первый визитъ на забытые берега Янтцегіанга, въ чудную долину, за извилиной рѣки, гдѣ среди разбросанныхъ, тамъ и сямъ китайскихъ фанзъ, раскинулась священная роща съ могилами мандариновъ, богдыхановъ и другихъ сановниковъ китайской іерархіи. Вѣковая роща, въ которой каждое дерево считалось священнымъ, была изрядно порублена, очевидно мѣстные Дзинъ-Дзюни и Даотай отечески позаботились о расчисткѣ мѣстъ для болѣе свободныхъ прогулокъ тѣнямъ сановныхъ душъ въ мѣстахъ упокоенія....

Луна, прорываясь, въ яркихъ контурахъ, сквозь листву и сучья дубовъ, платановъ и сикоморъ, рисовала на могильныхъ памятникахъ прихотливые рисунки, напоминавшіе китайскую грамоту.

Тѣнь мудраго Ли-Хунъ-Чанга не заставила себя ждать и, такъ-какъ, первый министр изрядно говорилъ по русски при жизни, то мнѣ не предстояло трудности выслушать его послѣ смерти.

Отбросивъ всѣ китайскія церемоніи, тѣнь мудраго сановника жестомъ указала мнѣ мѣсто на могильной плитѣ.

— Присядьте, можете не стѣсняться, хотя здѣсь и погребенъ прахъ извѣстнаго вамъ принца Туана, но онъ теперь все еще болтается по Манджуріи и не перестаетъ агитировать умы военачальниковъ;—сказалъ Ли.

— Я раскланялся и присѣлъ.

— „Что это за мерзости у васъ творятся?“—продолжалъ онъ.

— Я пожалъ плечами и грустно улыбнулся.

— „Вы помните мое расположеніе къ Великой Россіи? Конечно, помните, вы уже не такъ молоды. Давненько я предостерегалъ вашихъ сановниковъ отъ увлеченій, не разъ я указывалъ, что концессіи

на Ялу къ добру не поведутъ; не разъ намекалъ я, что дипломатическія назначенія въ Сеулъ, въ Токио, во Владивостокъ и къ намъ, въ Пекинъ, не оправдаютъ свое отвѣтственное положеніе. Развѣ не предупреждалъ я, что занятіе Талиенъ-Вана и Вей-хай-вея доказываетъ, какъ дважды два, что отважные мореплаватели смотрятъ однимъ глазомъ на Портъ-Артуръ, а другимъ въ Токио. И что же? Не прошло пяти лѣтъ, потребныхъ на вооруженіе, какъ у васъ фукнули Артуръ изъ подъ носа.

Каменная плита надъ останками Туана холодила мнѣ.... душу.

— „Вы правы, тысяча разъ, правы, ваше-распревосходительство!“

— „Въ результатѣ вамъ ничего не оставалось дѣлать, какъ принять предательскій вызовъ изъ Токио и начать готовиться къ тяжелой войнѣ, когда у противника все было уже готово.

Позвольте васъ спросить: Какого лѣшаго вы столько лѣтъ спали?

— „Если бы знать, гдѣ упадешь, соломки бы постлалъ.“

— Глупости, должны были знать!

Эти славянскія изрѣченія здѣсь не у мѣста.

У васъ много такого говорится, что на практикѣ выходитъ наоборотъ и не выдерживаетъ никакой критики.

Вы говорите: „на чужой каравай, рта не развѣвай“,—между тѣмъ сколько вы награбили? Что у васъ собственнаго, русскаго?

— Голова моя склонялась все ниже.

— „Но разъ ужъ вы занялись грабежомъ, сумѣйте, покрайней мѣрѣ, сберечь награбленное, знайте что подъ носомъ дѣлается.

У насъ въ Китаѣ говорится: „зри въ карты ближняго твоего, ибо свои всегда успѣешь по-смотреть“.

Благодаря мудрому Конфуцію я сберегъ милліардъ состоянія....

— Тѣнь мудраго Ли попросила меня продолжать интервью черезъ недѣлю.

— Прискорбно, но пришлось разстаться.

Надо извѣстить редакцію.

Переведутъ ли мнѣ забастовщики финансы?

П. Ч.

Въ трактирѣ.

Злободневная сценка.

Въ трактирѣ средней руки за столомъ сидѣла компанія и распивала утренній чай. Армякъ читалъ газету, двѣ поддевки внимательно слушали его. Прислушивался къ чтенію и буфетчикъ, высокій, здоровый мужчина съ огненно-красной бородой.

— А поэтому,—читалъ армякъ,—вожаки социаль-демократической партіи....

— Тьфу, ты погань какая! — отплюнулся буфетчикъ,—живемъ мы въ Россіи, русскій хлѣбъ кушаемъ, молимся по православному, а вѣдь вотъ какія слова говоришь.... социаль-демократическая партія!...

— А какая это такая партія? спросилъ армякъ.

— Гм.... должно быть пирамидка!

— Пирамидка, ты говоришь?

— Иначе и быть не можетъ! Только въ одной пирамидкѣ „одинъ красный“ супротивъ „пятнадцати бѣлыхъ“ идетъ!...

— И то правда,—подтвердила одна изъ поддевокъ,—я думаю, что „пирамидка“ лучше „чухонской“ партіи будетъ.

— Чухонскую партію мы проиграли, — важно замѣтилъ буфетчикъ, — и алагерь въ Манчжуріи проиграли.... Не знаю, что-то намъ скажетъ польскій карамбеляжъ!

— А это что за партія!...

— На манеръ французской, только на варшавскомъ языкѣ.

Армякъ продолжаетъ чтеніе.

— По ихъ словамъ необходима самая широкая автономія!...

— Тоже словечко! подхватилъ буфетчикъ.

— Двистительно,—покачали головой поддевки, слышать, слышимъ, а понимать не понимаемъ!

— Митричъ объяснитъ! кивнулъ армякъ на буфетчика, а тотъ откашлялся и приступилъ къ разъясненію.

— Положимъ, я хозяинъ заведенія, а у меня буфетчикъ. Я ему говорю: продавай рюмку по шести копѣекъ, а онъ продаетъ по четыре. Я ему говорю: открывай заведеніе въ восемь часовъ, а онъ открываетъ въ одиннадцать!... Мнѣ дефицитъ пишеть, а къ себѣ въ деревню деньги посылаетъ.... Вотъ это и есть автономный буфетчикъ! У него автономія, а у меня голодная физиономія.

— Очень даже ты вѣрно говоришь! поддакнули поддевки.

— Дошлый человекъ, — согласился армякъ и снова принялся за чтеніе.

— Конституція,—читалъ онъ,—только тогда и мыслима, если она есть продуктъ всенароднаго желанія....

— А конституція что? обратилась одна изъ поддевокъ къ буфетчику.

— Конституція, — должно быть иностранное слово....

— Такъ то оно такъ, да что она обѣщаетъ?

— Студентъ говорилъ мнѣ, что это значитъ управленіе государствомъ совмѣстно съ народомъ....

— Народъ будетъ собираться?

— Будетъ.

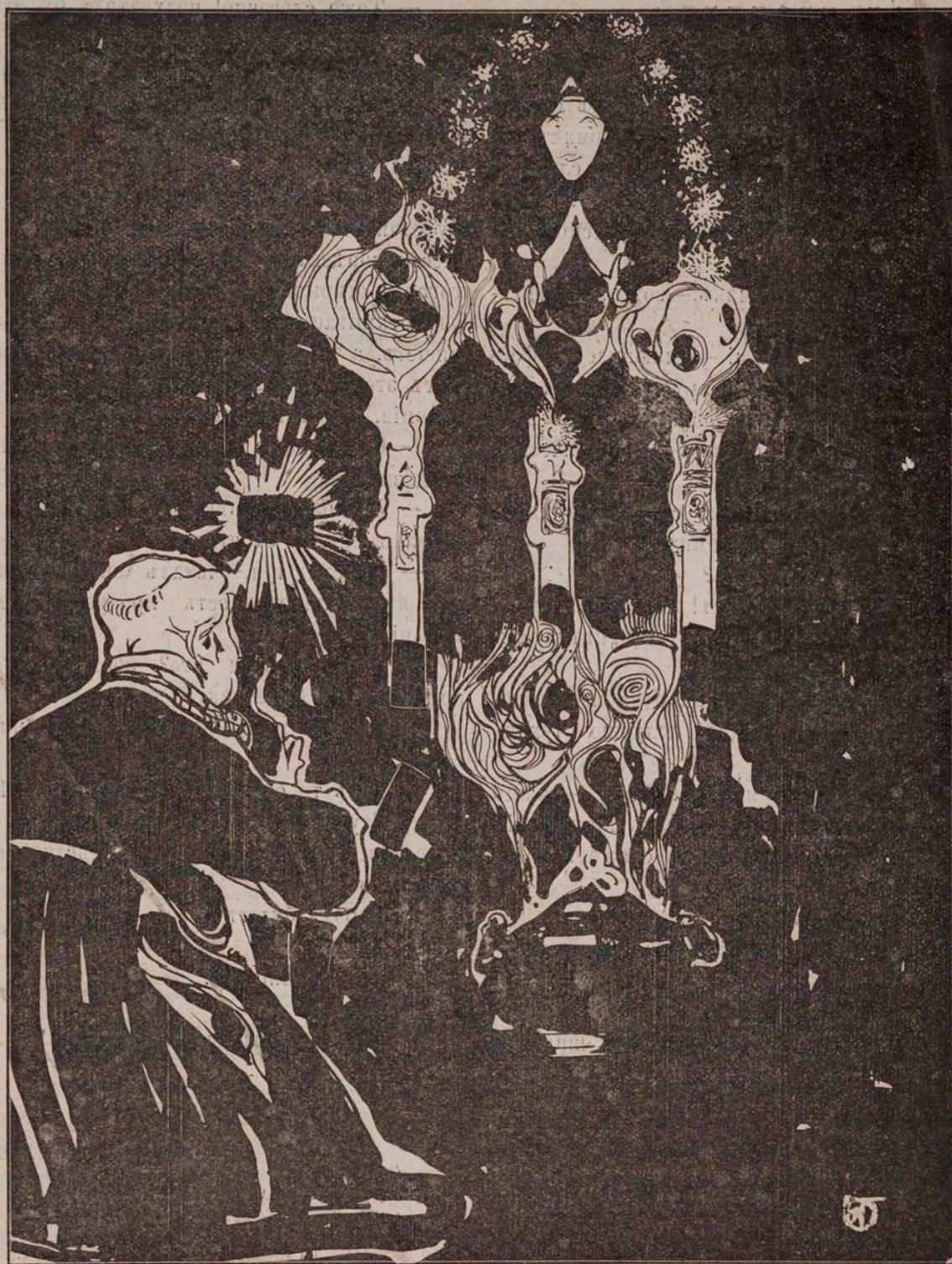
— Невозможно это!

— Почему?

— Земскій начальникъ разгонитъ!

Апулей.

Дѣва Порфирія, новѣйшій экспериментъ въ духѣ правовѣрнаго
мракобѣсія.

Редакторъ *А. В. Заикинъ.*

Издательница *Л. А. Заикина.*

Паровая Скоропечатня Г. П. Пожарова. Спб. Загородный, 8.

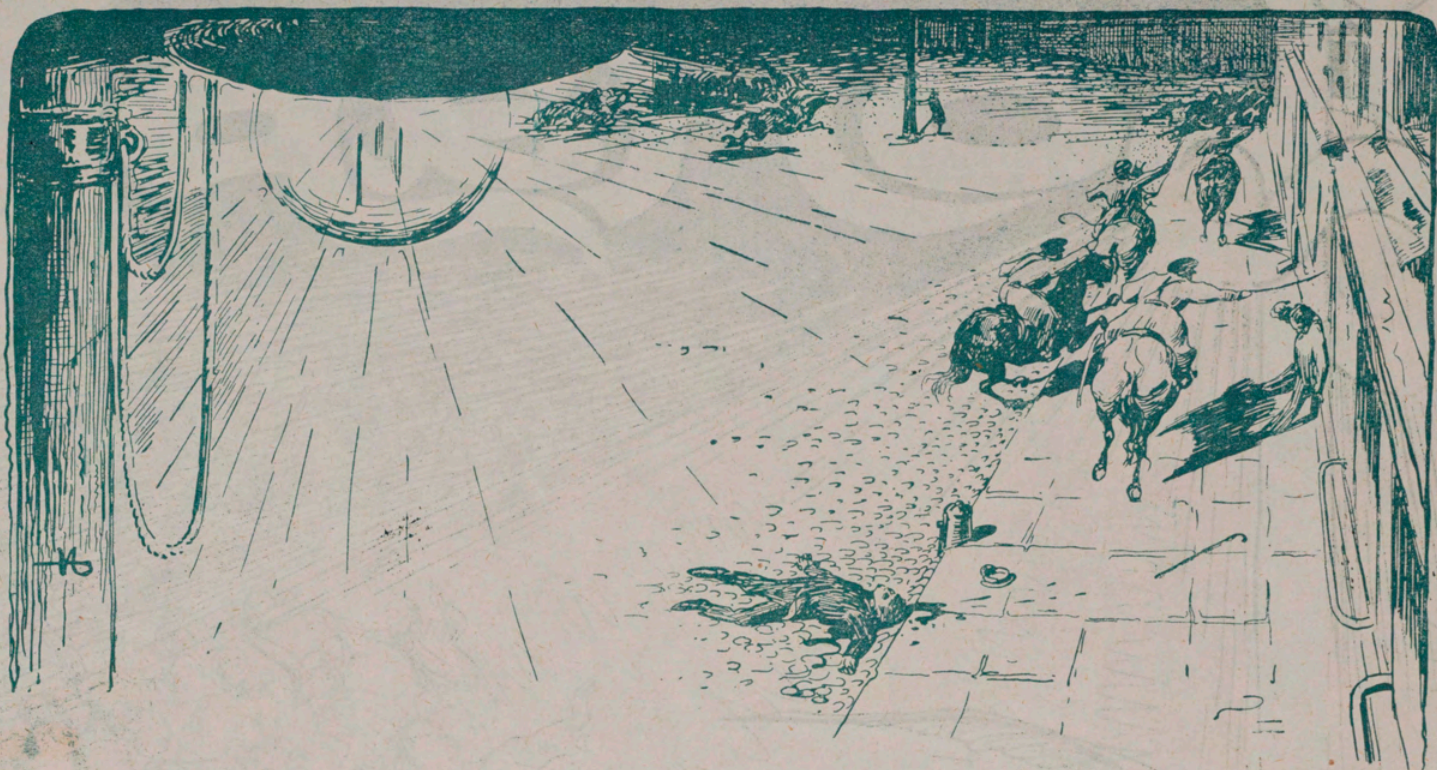
№ 2.

22 ДЕКАБРЯ 1905 Г.

ЕЖЕНЕДЕЛЬНО.

Цѣна № 8 коп.

Ярче, ярче, нашъ фонарь,
Освѣщай ночныя крылья!
И, покинувъ свой алтарь,
Побѣгутъ жрецы насилья!

Отъ „Фонаря“.

(Нѣчто, почти, изъ Овидія).

Прежде, чѣмъ стать „Фонаремъ“ я извѣдалъ тяжелыя муки,
Врядъ ли подобныя муки въ аду подѣ землей примѣнимы:
„Молотомъ“ былъ я... Но злые, вскормленные завистью, люди
Имя мое предвосхитили съ цѣлью для вѣща очевидной:
Впредь заручиться покрѣпче квартирой бесплатной и теплою
Въ улицѣ длинной и мрачной, по имени Грозно-Шпалерной;
Не были въ этой квартирѣ за вѣсь промелькнувшіе юды
Только Зевесъ громовержецъ, да прочіе славные боги...
Впрочемъ, въ нее проникали подчасъ Венера съ Амуромъ,
То Интендантъ олимпійскій, извѣстный въ Манчжуріи, Плутосъ.

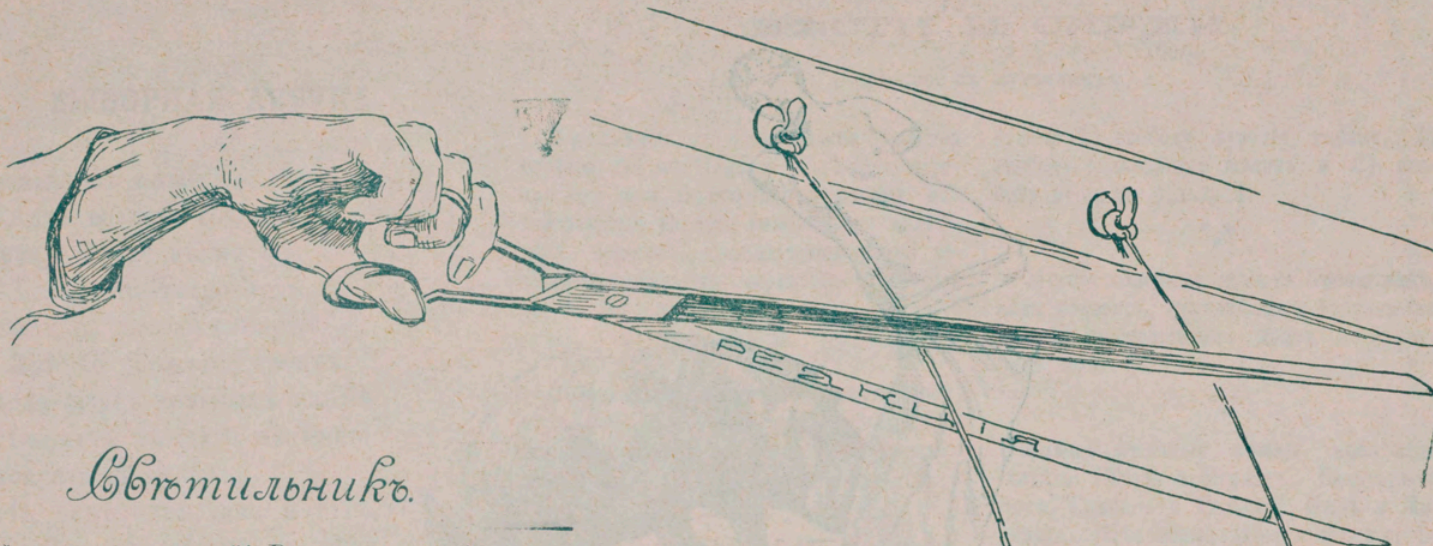
Былъ я „Набатомъ“... но нѣкій поповичъ меня предвосхитилъ
Въ явной надеждѣ на ту же квартиру изъ цѣлей корыстныхъ...
Ставъ „Фонаремъ“ я не кончилъ своихъ злоключеній. Въ печатнѣ...
Тамъ, идѣ не газъ съ керосиномъ пылаютъ, а только огарки
„Четвериковыхъ“ свѣчей, вновь рѣшили меня предвосхитить...
Но куропаткинскимъ полный терпѣньемъ я вышелъ изъ сердца
И прыгнулъ надлежащей статьёю!...

Свободно и скоро.

Вспыхнулъ свѣтильникъ въ моемъ „Фонарѣ“ и своими лучами
Смѣло прорѣзалъ сущенныя тѣни общественной жизни!
Что мнѣ до партій различныхъ, до фракцій и взглядовъ?
„Правда, законность, порядокъ и вѣчная съ ними свобода!“
Вотъ мой девизъ!... Вотъ что нужно, для чести и славы народа!

«Фонарь».

Свѣтильникъ.

Свѣтильникъ чудный! Разумъ чистый!
Блится ты звѣздой лучистой

Надъ пошлымъ сумракомъ земли!
Блится ты вѣка и годы
И вѣковѣчныя невзгоды

Тебя низвергнуть не могли!...
Ты освѣтилъ всю мощь вселенной,
Открылъ ты людямъ путь нетлѣнный

Къ познанью правды и добра!
Ты не искалъ себѣ забавы
Ни въ мишурѣ надмѣнной славы,

Ни въ грубыхъ блѣсткахъ серебра!
Подобенъ ты святому чуду,
Но тормозить всегда и всюду
Всѣ начинанія твои,
Подъ сѣнью строгаго зеркала,
Бюрократическое жало
Бюрократической змѣи!

В. Жуковъ.

Молоточки.

Двое изъ нашихъ знакомыхъ, ожидая выхода
перваго номера «Фонаря» подходятъ на Аничко-
вомъ мосту къ газетчику и спрашиваютъ: «Фо-
нарь» есть?

— Вотъ онъ! Давно васъ дожидается! —
отвѣтилъ газетчикъ, указывая на фонарный столбъ

— Долой!.. долой!.. оретъ на Невскомъ вы-
пившій изрядно гражданинъ и подойдя въ упоръ
къ городовому говорить: — «а вотъ не скажу что
долой».

Газетное сообщеніе.

Капиталъ ген. Куропаткина. Бывшій военный
министръ, командовавшій 1-ой манджурской арміей,
ген. Куропаткинъ вытребовалъ на дняхъ изъ госу-
дарственнаго банка свой вкладъ 2.650,000 руб-
лей. Вся сумма была выдана золотомъ.

яноТ

Жрецы доктрины социальной,
Едва затѣяли разладъ,
Какъ ужъ реакціи фатальной
Надъ ними ножницы висеть.

Общественныя и политическія шалости.

Около хористовъ.

— А вы, Федоръ Ивановичъ, какой
партія придерживаетесь?
— Я?.. Гм... Баритоновой партіи!..

Въ семьѣ.

— Отчего ты, папочка, министромъ
не сдѣлаешься?
— Зачѣмъ же, дѣточки? Вѣдь я еще
силенъ и здоровъ и работать, слава
Богу, въ состояніи!

Надпись къ Думѣ.

Виситъ надъ зданіемъ бѣда!
Она давно во власти духа злаго!
Оставь надежду навсегда,
Сюда входящій, вымолвить хоть слово!

Верхъ разстѣянности.

Во время разстройства желудка вмѣ-
сто кастороваго масла проглотить... ка-
сторовыя брюки.

Между хулиганами.

— Петька! Да у тебя револьверъ!
— А что?
— А штрафъ то! Развѣ ты не бо-
ишься Дедюлина?
— Ну, братъ! Я не изъ таковскихъ!
Меня не поддедешь!

Въ Россіи есть Изюмъ, Калачъ,
Въ ней даже Винница имѣется!
Такъ почему жъ голодный плачъ
У насъ по нынѣ не разсѣется?

— Папа, кто этотъ старичекъ?
— Это—особа, второго класса!
— Боже мой! Когда же онъ курсъ
окончитъ!

— Откуда это вышель сейчасъ вашъ
гваленный знакомецъ?
— Отъ Дурново!
— Ну, развѣ отъ Дурново выходитъ
что нибудь хорошее.

Бѣдный Юрикъ

Рабочему.

Вотъ совершилося чудное дѣло:
Мозгъ заколдованный столько вѣковъ,
Рабствомъ согнутое, мощное тѣло,
Сбросили узы гигантскихъ оковъ...
Выпрямивъ станъ свой могучій и сильный,
Равенство, братство, свободу познавъ,
Съ плечъ своихъ, сбросивъ гнетъ тяжкій,
могильный,
Власть и насиле безъ спросу поправъ...
Онъ, нашъ кормилецъ, и наша опора,
Вѣчно терпѣвшій лишенія, нужду,
Больше не вынесъ мученья позора,

Открыто явилъ прежней силѣ войну,
И безоружный воззвалъ онъ о правѣ
Своемъ, и дѣтей истощенныхъ своихъ,
О немъ заявилъ онъ открыто и вѣявѣ,
Но путь его былъ и изломанъ и кривъ.
Горсти свободъ, взятыхъ силой, желанныхъ,
Назадъ не отдастъ онъ теперь никому,
Свободъ и мечты и надеждъ долгожданныхъ,
Теперь не разстанется ужъ съ ними ему;
И въ прежнюю спячку не будетъ ужъ силы
Проснувшійся умъ его вновь погрузить!..
Рѣшилъ онъ и жизнью и кровью, что мило:
Какъ волю, такъ землю и счастье добыть...

Люди Земля.

ВЫБОРНАЯ АЗБУКА.

А-гитация въ народѣ.

Актъ великій создаетъ...

В-юрократія не въ модѣ:

Холодѣть точно ледъ.

В-ожаки различныхъ партій

Крѣпко держутся своихъ,

Г-орода ждутъ вольныхъ хартій

Съ мига каждаго на мигъ!

Д-емократы поумнѣли

И, окрѣпнувъ тамъ и тутъ,

Е-вропейскимъ шагомъ къ цѣли

Предназначенной идутъ!

Ж-андармерія свирѣпо

Развѣзжаетъ на конѣ...

К-онституція, какъ рѣпа,

Низко держится въ цѣпѣ,

Л-ибералы злыя рѣчи

Распукаютъ по рукамъ...

М-онархисты, ставъ на вѣче,

Вѣрный счетъ ведутъ войскамъ!

Н-ейгардтъ текъ подобно лавѣ,

Но споткнулся и упалъ.

О-боленскій спалъ на „Славѣ“

И Финляндію проспалъ!

П-олицейскіе, едва-ли,

На яву, а не во снѣ

Р-еволюцію искали

Въ обывательской мошнѣ.

С-оціальное ученье

Развивается у насъ,

Т-акъ же тихо, какъ терпѣнье

У Манчжурскихъ ратныхъ массъ.

Ф-онфаронство, спесь и чванство

Безъ стѣсненія прутъ на видъ...

Х-орошо, что х-улиганство

Внѣ партійности стоитъ!

C'est moi.

Популярность Витте.

— До чего популярень графъ порт-
смутскій С. Ю. Витте...

— ?

— На Невскомъ мальчишки-хулиганы
ужъ который день выкрикиваютъ:

Витте скачетъ, Витте пляшетъ,

Витте пѣсенки поетъ!

№ 380.

ВѢСТИ И СЛУХИ.

(Серьезное въ шуточномъ).

Мы слышали, что финляндское общество пароходства по Невѣ и каналамъ перепродало свои пароходики морскому вѣдомству для охраны финскихъ и балтійскихъ береговъ. Командующимъ этой эскадрой называютъ директора Общества И. И. Шелепина.

Забастовали служащіе всѣхъ похоронныхъ бюро въ Петербургѣ. Администрація, призывая къ благоразумію, проситъ обывателя повременить своей смертью.

Ученики младшихъ классовъ Петербургскихъ гимназій представили начальству свою резолюцію, въ которой тре-

буютъ: 1) свободу куренія табаку, 2) свободу бульварнаго флирта и 3) свободу игры на бильярдѣ.

Многіе казенные дома въ Кронштадтѣ, какъ говорятъ, отапливаются фиктивными счетами поставщиковъ дровъ и каменнаго угля.

Самые прочные союзы, пока надо считать: Штоль и Шмидтъ, Вальтеръ и Кохъ, Сименсъ и Гальскэ, Мюръ и Мерилизъ... Нѣкоторые даже и послѣ смерти существуютъ.

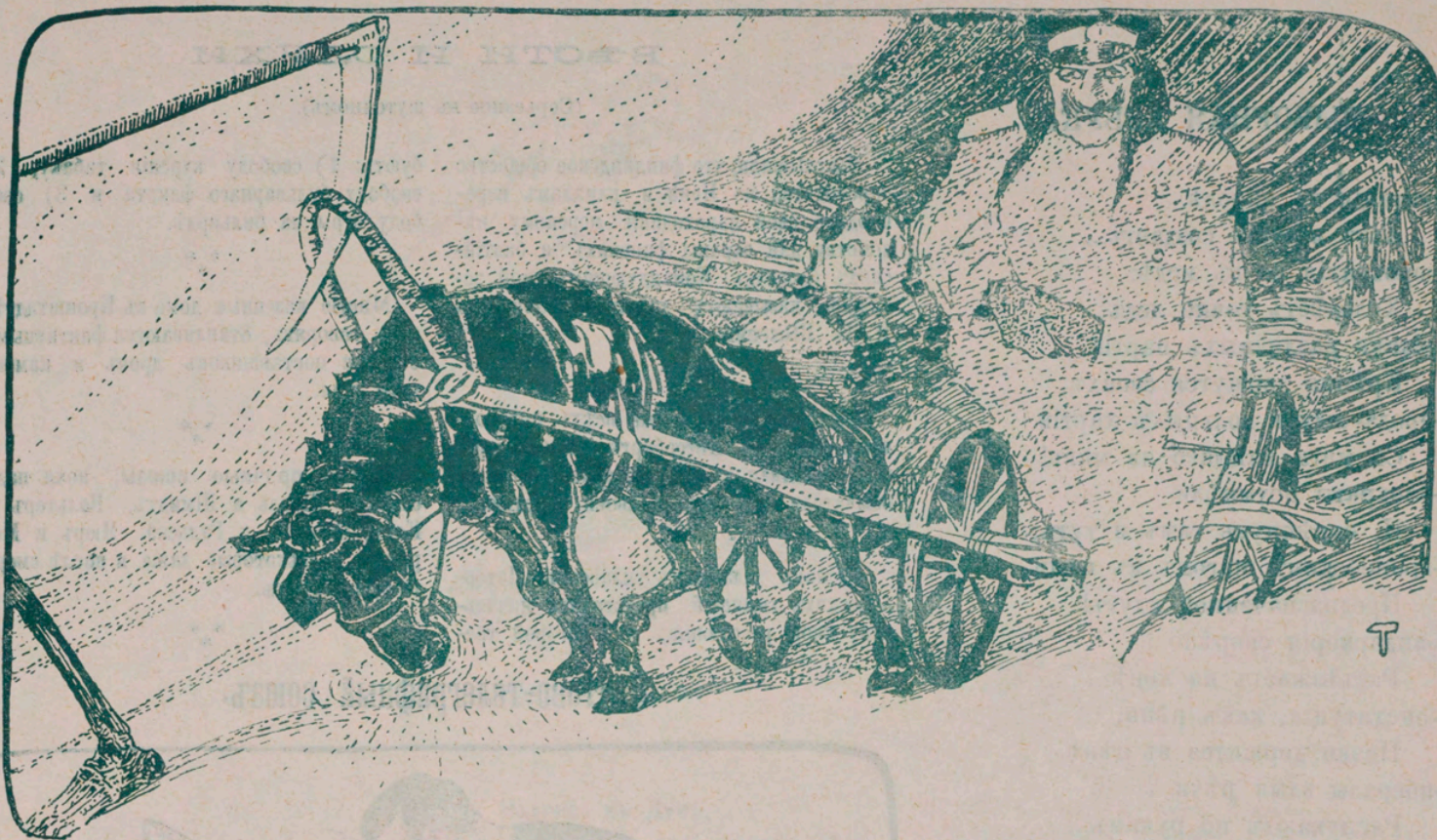
Почтово-телеграфный союзъ.

Къ сему новорожденному союзу Дурново руку приложилъ.

Не то антихристъ дна могильнаго,
Не то вытягиватель жилъ,

Онъ на младенца слабосильнаго
Печать, гдѣ нужно приложилъ.

Усмирять, так усмирять,
Не стѣняясь ни минуты!

Я возьму за пядью пядь,
Въ ходъ пустивъ всё атрибуты. **Администраторъ**

„Магдалина“.

Какъ на Карповкѣ рѣкѣ,
Въ захолустьномъ уголкѣ
Есть для «избранныхъ обитель». —
Тамъ Владиміръ былъ «учитель».

Въ ту обитель собирались,
И «святými» почитались:
Іоаннъ—отецъ Орнатскій
И извѣстный всѣмъ «Кронштадтскій».

Про игуменю «святую»,
«Тараканщину»—былую
Лишь одно могу сказать:
Денежки любила брать.

А сосуды дорогіе,
Камушками обсыпные,
Отъ людскихъ подальше глазъ
Прятала она не разъ.

Такъ-бы жили-поживали,
Ничего-бы мы не узнали,
Но случилась вдругъ бѣда:
Каяться пришла одна:

«Магдалиной» величалась,
Въ шелкъ и бархатъ одѣвалась,
И попала въ ту обитель
Гдѣ «сладчайшій» былъ «учитель».

Началъ онъ въ любовь играть,
Не забывъ и деньги взять,
Въ эротическій экстазъ
Приходилъ онъ много разъ.

«Магдалина» же земная,
Была женщина иная,
Стала думать и гадать,
Какъ-бы ей «Порфирей» стать...

Да терпѣнья было мало,
Не понравилось начало;
—Деньги стали уплывать,
А Владиміръ—уѣзжать.

И рѣшилась вдругъ отъ скуки,
Переживъ напрасно муки,
Положить всему конецъ:
— «Заслужу авось вѣнецъ!»

Переписку всю собрала,
За сынишкой побѣжала
И съ вѣщимъ въ глазахъ укоромъ,
Стала вдругъ предъ прокуроромъ!

А въ «Обители» не снилось,
Что все просто такъ открылось!..

Дарчика.

СВОБОДА.

(Элегія).

«Я помню чудное мгновеніе
Передо мной явилась ты».

Пушкинъ.

Я помню дни—ревѣли бури,
Сверкали молніи изъ тучъ...
И сквозь туманный путь лазури
Не пробивался солнца лучъ.
Въ печаляхъ жизни безпросвѣтной,
Въ немолчномъ шумѣ суеты,
Являлся мѣръ иной, завѣтный
И царство радужной мечты.
Шли годы..., громы не смолкали,
Все было вало и темно...
И только лишь порой сверкали—
Зарницы жданныя въ окно...
Въ глуши, во мракѣ своеволья—
Шли дни, свершая скорбный путь...
А такъ хотѣлось раздолья,
Дышала жизнью новой грудь...
И вотъ настало пробужденіе—
Блеснулъ лучъ дивной красоты:—
Какъ мимолетное видѣнье,
Какъ геній радужной мечты...
Забилось сердце въ упоеніи—
Воскресло въ немъ бывшее вновь...
Но... «точно сонъ»... ушло видѣнье,
Все перепачканное въ кровь...

Г. П. К—овъ.

ДВѢ ВЛАСТИ.

Борьба... столкновѣнія... погромы...
Палаты горятъ и хоромы...
Невспаханной нива стоитъ...
Колѣблется гордый гранитъ...
Лѣса не шумятъ и съ испугомъ
Блится родной небосводъ...
Двѣ власти воюютъ другъ съ другомъ,
А плачетъ народъ!

Безумная паника... слезы...
Таинственныхъ партій угрозы..
Повержено право во прахъ..
На биржѣ смятеніе и страхъ!
Купцы обуваются въ кенги,
Наука уходитъ въ разбродъ...
Двѣ власти расходуютъ деньги,
А платитъ народъ.

В. Ж.

Мечты и дѣйствительность.

(Съ испанскаго).

Донъ Алонзо засыпаетъ,
Головой на столъ поникъ;
Робко книгу озаряетъ
Догорающій ночникъ.
Шевелится сумракъ въ нишѣ,
Пляшутъ тѣни по окну;
Подъ поломъ нахально мыши
Нарушаютъ тишину.

Снится бѣдному Алонзо
Благолатная страна—
Вся въ цвѣтахъ, при блескѣ солнца,
Словно рай лежитъ она.
Твари тучны, люди сыты,
Альгвазидовъ вовсе нѣтъ...
Что имъ дѣлать, коль забыты
Всѣ участки много лѣтъ.
При разряженомъ народѣ,
На главы воздвѣвъ вѣнцы,
Гимнъ закону и свободѣ
Тянуть мудрые жрецы.

Самъ Алонзо въ пышной тогѣ,
(Онъ теперь министръ премьеръ),
Заправляетъ хоромъ строго
На классическій манеръ.
Скромно шлѣть премьеру-душкѣ
Дамы тайныя мечты...
Вдругъ... надъ ухомъ, какъ изъ пушки,
Кто то грянулъ съ высоты.
«Ишь ты, лѣшій, зачитался,
«Вотъ и грамота не въ прокъ;
«Къ «скупатамъ» меньше-бъ шлѣлся...
«Ну, смотри, проспишь гудокъ!»

А. Д. Ст—въ.

Деревня послѣ ревизіи.

На деревнѣ—видъ погоста!
Все разрушено въ конецъ,

А у Троицкаго моста,
Воздвигается дворецъ.

Сгущенный эфиръ.

(Редакціонная быль).

— Николай Леопардович! — послышался изъ кабинета голосъ редактора.

Изъ кучки сотрудниковъ, сидѣвшихъ въ секретарской комнатѣ, выдѣлился пожилой мужчина съ патентованной лысиной и, поправляя бакенбарды и пенсне, засемѣнилъ въ кабинетъ редактора. По дорогѣ въ «святая святыхъ» онъ не забылъ оставить на подоконникѣ окурокъ папиросы. Для того, чтобы ярче опредѣлить свои политическіе взгляды, онъ курилъ только «царскія» папиросы, 10 коп. 10 шт.

— Ну что? — встрѣтилъ его оловянный, точно у бѣшеннаго барана, холодный взглядъ редактора.

— Ничего не могъ подѣлать.

— Что вы говорите? Вы убить меня хотите! Вы добиаетесь моего раззоренія?.. Вы подводите подписчиковъ газеты!.. Что вамъ сказалъ профессоръ?

— Ничего не сказалъ! Онъ никого не принимаетъ, кромѣ горячихъ ваннъ и ревеннаго порошка!..

— Убили! Зарѣзали! И все за то, что я далъ вамъ возможность носить цилиндръ и ужинать у Кюба. Редакторъ задумался и потомъ быстро спросилъ:

— Кстати! Сколько вы у меня получаете?

— Пять копѣекъ за строку!

— Ну, вотъ видите, неблагодарный! Цѣлая пять копѣекъ за строку, только потому и имѣющую смыслъ, что она напечатана!

— Но Менелай Серполоетовичъ... господинъ Сраженевъ одиннадцать получаетъ...

— Да вѣдь то Сраженевъ! Да онъ, наконецъ, и не получаетъ... а... силой беретъ... но дѣло не въ томъ! Извольте сейчасъ же садиться и написать бесѣду съ профессоромъ Колбочкинымъ о сгущенныхъ эфирахъ...

— Менелай Серполоетовичъ, — взмолился несчастный сотрудникъ, — вы то что со мной дѣлаете? вѣдь я же юристъ, а не химикъ!

— Тѣмъ лучше для васъ, — по крыси улынулся редакторъ, — юристъ долженъ отзываться на всѣ вопросы, которые встрѣчаются въ жизни... Вотъ, на примѣръ, я! Я — правовѣдъ, а умѣю все-таки читать и писать по русски... Я даже одну пьесу написалъ... не помню только заглавія... не то «Ревизоръ», не то «Горе отъ ума», одноактный этакій пустячекъ!.. Не смущайтесь, садитесь и пишите.

Николай Леопардовичъ присѣлъ къ письменному столу, но потомъ, сунувшись въ шкапъ, благимъ матомъ завылъ. Какъ сумашедшій бросился онъ въ кабинетъ редактора,

— Менелай Серполоетовичъ!.. Мерзавецъ!..

— Кто... что... почему мерзавецъ? — въ свою очередь вскопчилъ редакторъ.

— Брокгаузъ!.. Онъ не дошелъ до буквы Э!..

— Ахъ, чтобы вамъ пусто было! Ну какое мнѣ дѣло до какого то Брокгауза! Мнѣ матерьялъ нуженъ... Ступайте, бѣгите, побѣжайте на... на конѣ, на извозникѣ, на автомобилѣ, на телефонѣ, на грамфонѣ... Чтобы былъ у меня матерьялъ. Николай Леопардовичъ вылетѣлъ изъ кабинета, а редакторъ продолжалъ кричать ему вслѣдъ:

— Непремѣнно достаньте! Ничего не жалѣйте! За все заплачу изъ... вашего гонорара.

Черезъ полчаса Николай Леопардовичъ вернулся въ редакцію, гордо неся въ рукахъ брошюру, на желтой обложкѣ которой черными буквами значилось: «Эфиръ въ скорняжномъ производствѣ».

Редакторъ встрѣтилъ Николая Леопардовича благосклоннымъ взглядомъ, а сотрудники завистливымъ шипѣньемъ.

Не обращая вниманія ни на то, ни на другое, Николай Леопардовичъ присѣлъ къ столу и черезъ часъ уже понесъ къ редактору свою новую статью:

Въ ней было все! Науки торжество...

Эфиръ... смола... хомутъ и коромысло!

Здѣсь если не было чего,

То только разума и смысла!

На утро статья появилась въ газетѣ, но, конечно, никакого впечатлѣнія не произвела. Редакторъ даже вниманія не обратилъ. Онъ ждалъ чего-то иного и со второй почтой дождался. Это было опроверженіе профессора.

«М. г., — писалъ онъ, — можно ли такъ зло и подло глумиться надъ почтеннымъ человѣкомъ, какъ это сдѣлалъ вашъ сотрудникъ.

Редакторъ зло улыбнулся.

«А между тѣмъ, — продолжалъ профессоръ, — вопросъ касается важнаго предмета!

— Ага! — радостно подумалъ редакторъ.

«Вопросомъ о сгущенныхъ эфирахъ» занимались еще древніе египтяне...

Тутъ ужъ сказался ученый и профессоръ и, самъ того не замѣчая, накаталъ блестящій рефератъ въ 240 строкъ.

Николай Серполоетовичъ вычеркнулъ первыя ругательныя строки, озаглавилъ статью «Мнѣніе заслуженнаго профессора о сгущенныхъ эфирахъ» и пустилъ ее въ печать плотнымъ корпусомъ.

На утро весь Петербургъ читалъ газету и статью профессора, а къ вечеру было получено извѣстіе о скоростижной смерти его. Около покойника ни яда, ни револьвера, ни петли не нашли... Въ рукахъ его была только злополучная газета.

Апулей.

Весна.

(Какъ-будто изъ Гейне).

За тепломъ онъ въ даль ушелъ,
Отморозивъ носъ пришелъ,
И надежды и штаны
Потерялъ, ища весны.
Сталь угрюмъ суровый ликъ,
Носомъ долу онъ поникъ,
Но на вспухнувшей спинѣ
Вѣсть принесъ онъ о веснѣ.
Бѣдный другъ, уйми печаль,
Потерпи, яснѣетъ даль,
Близко красная весна,
Заживетъ твоя спина.
А тогда могучъ, ретивъ,
Супостата прослѣдивъ
И согнувъ ему спину,
Самъ пропишешь ты весну.

Азъ Слово.

Новости подъ рукой.

- Папа! Чѣмъ можетъ кончиться всеобщая забастовка.
- Конечно, окончательнымъ разореніемъ.
- Торговцевъ?
- Нѣтъ... забастовщиковъ!

На Знаменской площади.

- Городовой! Научи, какъ бы мнѣ отсюда въ окружной судъ попасть!
- Ну, баринъ? Объ этомъ вы ужъ лучше у судебного слѣдователя спросите!

Около хулигановъ.

- Петька, а чтобы ты сталъ дѣлать, если-бы тебя министромъ финансовъ назначили?
- Извѣстно что! Фальшивыя монеты начать бы дѣлать.

- Какая разница между конституціей и салнымъ пятномъ?
- Конституцію вводить, а пятно выводить.

На окраинѣ.

- Обыватель. Городовой! Караулъ! Грабятъ!
- Городовой. Ну, чего орешь то! Не глухой! слышу! Вотъ подожди, только цигарку докурю.

Интервью съ Тѣнью Ли-Хунъ-Чанга *).

Какъ я и ожидалъ, въ виду продолжающейся п.-т. забастовки, переводъ отъ редакціи не получился.

Положеніе бамбуковое!

Продолжаю.

Тѣнь мудрого Ли была страшно разстроена.

— Ваше превосходительство, я собственно говоря, хотѣлъ услышать ваше мудрое мнѣніе о неурядицахъ, которыя вѣдутъ мое отечество къ разложенію.

— «Къ разложенію? Нѣтъ, вы еще молодая нація, я убѣжденъ, что это вамъ еще не угрожаетъ. Начнемъ съ вашего духовенства. По моему, они слишкомъ хорошо кормятся, жирны ваши архіереи, дьяконы, монахи прочіе... Не вижу я пользы, когда упитанные служители церкви проповѣдуютъ о постѣ и воздержаніи, лѣнны становятся, занимаются пустыми требами, за каждый вздохъ свой ожидаютъ подачки, а у насъ этого нѣтъ. Наши служители—аскеты.

— Вотъ и теперь, вновь назначенный Оберъ-Прокуроръ Св-нода,—жиренъ, молчитъ и въ дѣлахъ Церкви ни аза не смыслить.

— По моему, Побѣдоносцевъ куда былъ пригоднѣе: и наружностью и фамиліей, въ глазахъ неумолимо, какъ у Конфуція... Да, если бы онъ не совался въ законодателя, онъ всегда былъ бы прекраснымъ вершителемъ судебъ архіерейскихъ.

— Но человѣчество создано такъ: отличные юристы прескверно играютъ на сценѣ, добродѣтельные отцы семействъ идутъ въ полицейскіе, прекрасные тенора—никуда негодные офицеры, акробаты идутъ въ адвокаты, содержательницы мебелированныхъ комнатъ наравятъ въ сестры милосердія, бѣлые флаги считаютъ себя патріотами, копѣчные писаки—въ руководители союзовъ...

— Вы это не видите, а мнѣ, съ горы, все видно, какъ на ладонѣ...

— Я молча соглашался.

— «Чтобы кончить съ духовенствомъ,—продолжалъ Ли,—я васъ спрошу: гдѣ отцы вашей Церкви? Почему они бросили свое стадо въ критическую минуту? Неужели, на всю Россію и нашелся только одинъ Гапонъ, который съумѣлъ повести народъ? Почему они ни съ народомъ? Вотъ стадо и разбѣлосъ, грабить и жечь все на своемъ пути. Вотъ пресловутый отецъ Кронштадтскій въ дни разгрома сбѣжалъ изъ города. У насъ здѣсь ходятъ слухи, что и онъ впутался въ какую то скверную исторію съ женщинами, что онъ развратилъ дешевой благотворительностью бездѣльниковъ и мародеровъ... Мыслимо ли что нибудь подобное у насъ?

Наше духовенство кормится скудно, ровно на столько, чтобы не отправиться раньше времени къ предкамъ, требъ никакихъ не справляютъ, подачекъ не ждутъ, капиталовъ въ процентныхъ бумагахъ не держатъ, монастырскія земли и уголья въ аренду не сдаютъ, бенедиктины и шартрезы не

производить, погреба не содержатъ, въ каретахъ ни ѣздить, чудесами и исцѣленіями не практикуютъ, имъ нечего нести на алтарь отечества»...

«Мы здѣсь, среди священныхъ дубовъ, знаемъ какіе миліарды собраны вашими пастырями, гдѣ и какъ они припрятаны.

— А во что отѣнить ихъ земельную собственность? На второмъ планѣ я ставлю порядокъ. Я давно еще замѣтилъ, что порядокъ у васъ только на улицахъ, и то до водворенія Тренова, съ его легкой руки у васъ нельзя теперь ходить по улицамъ: хулиганы устраиваютъ харакири, либо флаги раздавать,—эти новоиспеченные ваши патріоты сбиваютъ шапки съ проходящихъ, у васъ это называется «манifestація», вы жаждете свободы, а развѣ такихъ мыслимо пускать «на свободу»?

— У насъ одно дерзкое прикосновеніе къ чужой кося счи-тается оскорбленіемъ, а у васъ прямо тузятъ по затылкамъ!

— Далѣе, если кто уцѣлѣлъ отъ этихъ мерзавцевъ, тотъ ежедневно рискуетъ быть подстрѣленнымъ на улицѣ изъ солдатскаго ружья, изъ Браунинга, изъ пулемета, рискуетъ быть запоротымъ пагайками, или быть низаннымъ на пику... Это называется «правовой порядокъ»! Вотъ амнистія ваша, это дѣло хорошее, строго говоря, нельзя же вѣчно держать чело-вѣка взаперти за то только, что его убѣжденія не сходятся съ взглядами Охраннаго Отдѣленія.

— Въ Китаѣ къ сожалѣнію амнистировать некого, всѣмъ попавшимся въ пропагандѣ, рубятъ начисто головы, оттого мы и равнодушны такъ къ жизни.

— Вотъ, на счетъ грабежа, мои китайцы тоже мастера, монгольская и кавказская нація могутъ протянуть другъ другу руки: у насъ грабятъ всѣ: чиновники, строители, интенданты, полиція, доктора, инженеры, рабочіе, черные флаги, большіе тулаки, вице-короли, Дзиль-Дзюни, Даотай, хунгусы, только земледѣльцы не поддаются этому спорту, хотя и живутъ въ какой тѣсотѣ, что уму не постижимо.

— Да-съ, порядка у насъ гораздо больше.

— Осмѣлюсь спросить, ваше превосходительство, каково ваше мнѣніе о нашихъ финансахъ? Спросилъ я.

— Что-жъ, финансы вещь наживная и всегда поправимая.

Пусть народъ опомнится, возьмите себя въ руки, и ваши финансы быстро поправятся. На однихъ экономіяхъ штатовъ миліарды останутся.

— Я не поручусь, что среди вашихъ администраторовъ не найдется множества лицъ, которымъ не грѣзилось бы, во снѣ и на яву, сдѣлаться Гамбеттой.

— Статуя его на дворѣ, сожженного Тюйлера, такъ вызывающе хороша!

— Вы единственная страна, гдѣ еще не было настоящаго пролетаріата, вы его создали, выбросивъ голодную массу людей за борть...

— Дѣти Восходящаго Солнца, теперь чутко прислушиваются къ вашему печальному положенію, они лихорадочно изучаютъ все, что именуется у васъ «русскимъ», и вѣр-те

*) См. номеръ 1-й.

мнѣ, вы не успѣете еще опомниться отъ внутреннихъ волнений, какъ они снова будутъ на материкѣ и на этотъ разъ, начавъ съ Владивостока, отрѣжутъ себѣ такой «коровай», который имъ только заблагоразсудится.

— Войско ваше деморализовано, вооруженіе растеряно, крѣпости никуда не годятся, флота нѣтъ, финансы—вродѣ китайскихъ, или турецкихъ...

— Медлительность вашего режима, какъ языки ужаснаго пожара, захватываетъ все...

— Я очень сожалѣю, что такъ рано умеръ.

— Я первый повелъ бы «Желтую рассу» въ Европу и тогда вы поняли бы, что такое «желтая опасность».

— Вы прозрѣли бы на могилахъ своихъ отцовъ, женъ и дѣтей....

— Прощайте, мнѣ пора!

— Не забывайте, что слова стараго Ли всегда сбываются.

— «Фонарь» мой погасъ. И я, какъ жалкій чиновникъ послѣ начальственной головомойки, побрелъ, между плитъ богдыхановъ и мандариновъ, на берегъ гдѣ меня дождала лодка...

П. Ч.

Бюрократическій рецептъ.

Сто сотенъ храбрыхъ казаковъ,
Жандармовъ сотню эскадроновъ,
Число несмѣтное патроновъ,
Да корпусъ сабель и штыковъ,
Прибавьте сотню пулеметовъ,
Смѣшайте это все сполна
И тотчасъ миръ и тишина
Сердца охватить Санкюлотовъ.

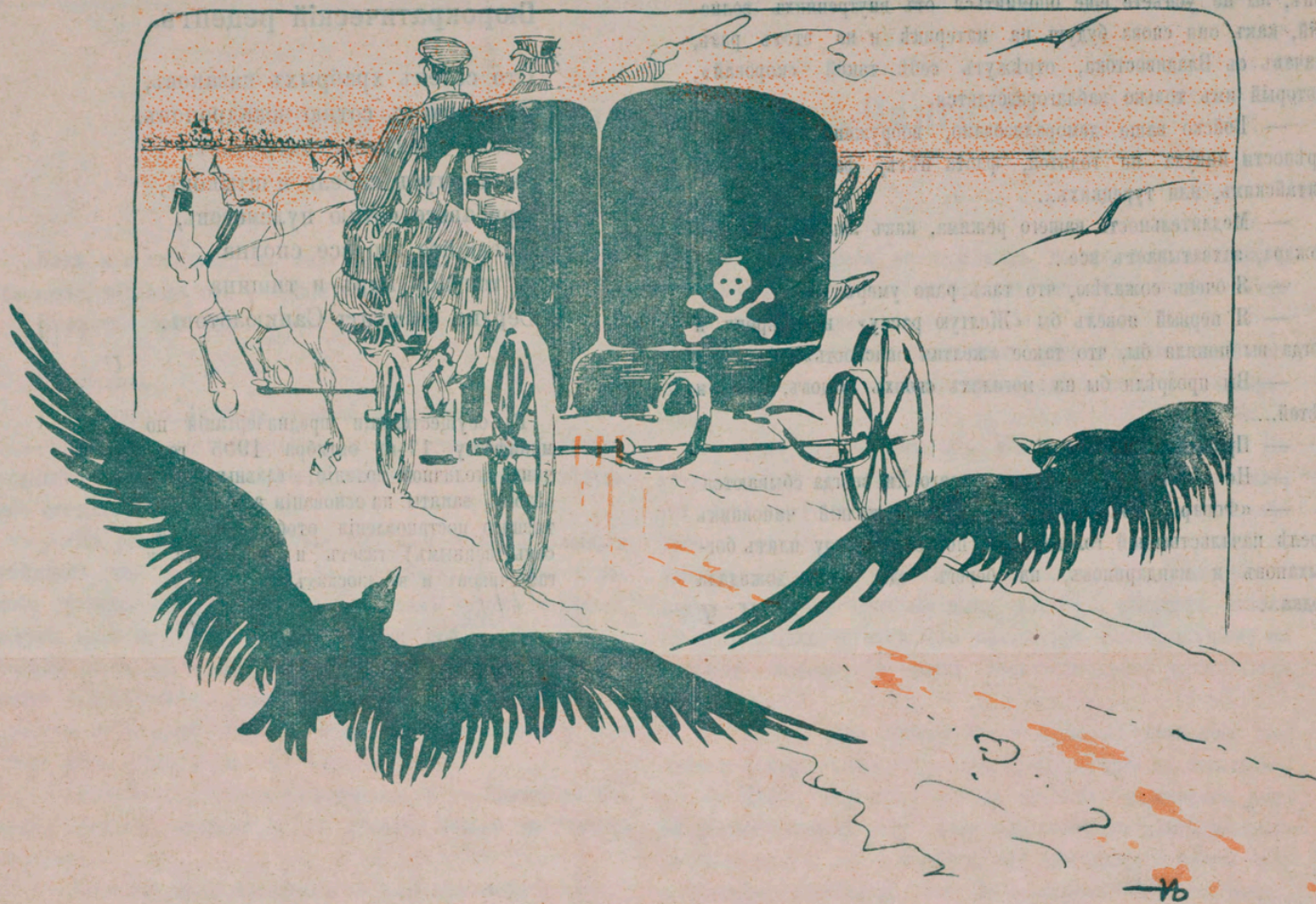
U

Въ осуществленіи предназначеній по манифесту 17-го октября 1905 года чины столичной полиціи, главнымъ образомъ, заняты на основаніи административнаго постановленія, отобраніемъ (насилственнымъ) газетъ и журналовъ у газетчиковъ и въ кіоскахъ.

№ 380.

МОСКВА.

Городовой: Не гони! Довольно плети!
 Пожалѣй кобылью стать!
 Что въ больницѣ, что въ каретѣ—
 Все равно имъ умирать!

Каретка скорой помощи.
 (Послѣ Митинга).

Найденное стихотвореніе.

Городовой стоитъ на стражѣ,
 Держась за ятаганъ,
 И власть любитъ на кражи
 И дерзость хулиганъ.

Городовой стоитъ на стражѣ
 И славить, какъ баянъ.
 Разбой, грабительство и кражи
 И дерзость хулиганъ.

Бѣдный юрикъ.

Редакторъ А. В. Заикинъ.

Издательница Л. А. Заикина.

Редакція: Дегтярный пер., 22, кв. 43.

Паровая Скоропечатня Г. П. Пожарова. Спб. Загородный, 8.

D1252
.K9

№ 3.

29 ДЕКАБРЯ 1905 Г.

ЕЖЕНЕДЕЛЬНО.

Цѣна № 5 коп.

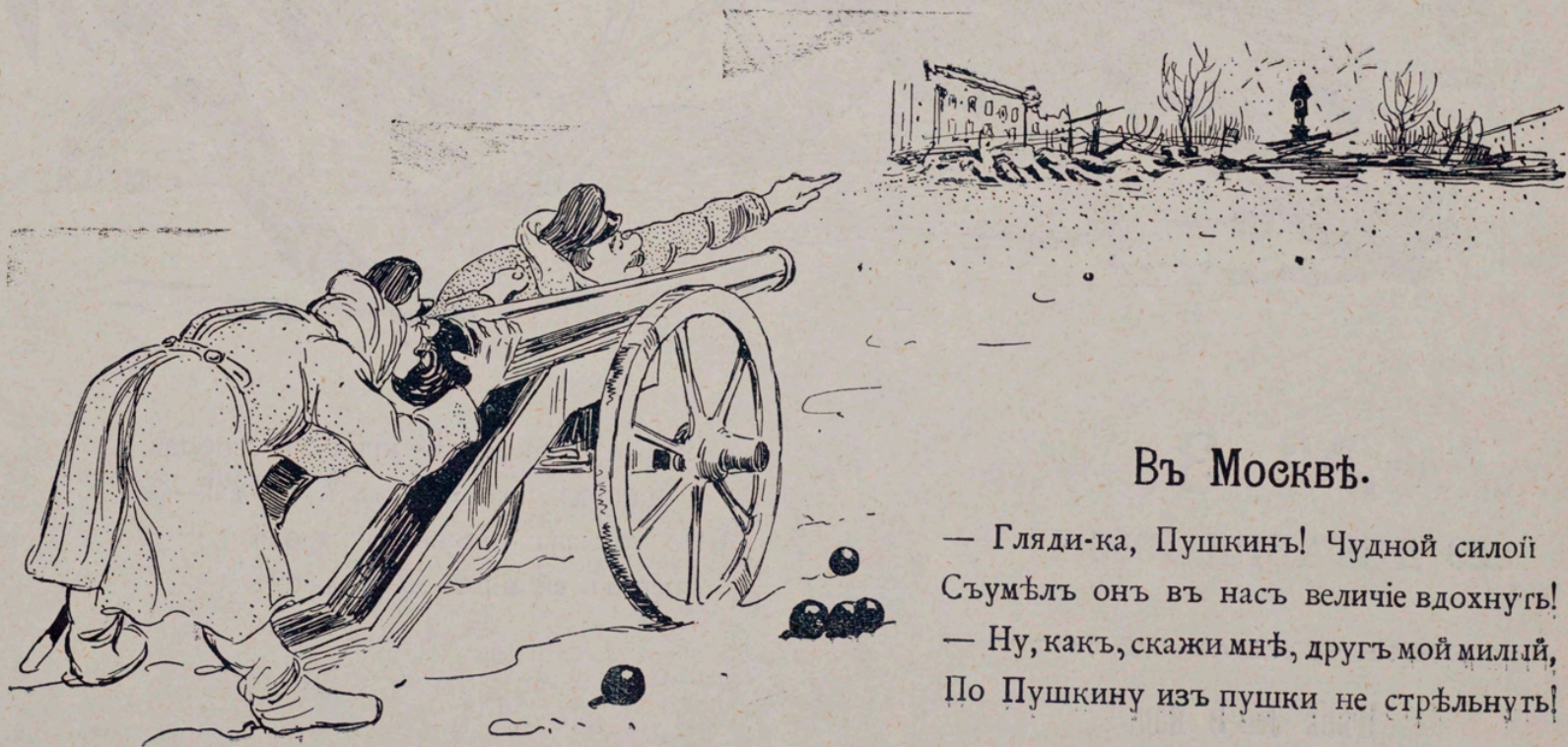
Впередъ, впередъ!—кричить свобода,
Туда, гдѣ право, честь и трудъ!—
Но тормазы чиновнаго народа
Впередъ ей мчаться не даютъ.

На Рождество.

Бывало праздник Рождества
 Мы въ тихой радости встрѣчали,
 И наши тайныя печали,
 Услышавъ чудныя слова
 Призыва къ миру и покою,
 Скрывались въ сердце... Такъ порой
 Туманъ, поднявшись надъ рѣкою,
 Спѣшитъ укрыться за горой
 Изъ страха къ солнечному свѣту...
 Но дни счастливые прошли...
 Покой минувшій канулъ въ Лету
 И миръ умчался отъ земли...
 Я въ небо жду звѣзды чудесной,
 Но небо скрыто въ облакахъ...
 И держитъ фатумъ злой въ рукахъ
 Итоги жизни неизвестной.

Викторъ Кургаковъ.

Въ Москвѣ.

— Гляди-ка, Пушкинъ! Чудной силою
 Съумѣлъ онъ въ насъ величье вдохнуть!
 — Ну, какъ, скажи мнѣ, другъ мой милый,
 По Пушкину изъ пушки не стрѣлнуть!

Рождественскіе рассказы для дѣтей.

Маленькій Сережа.

Маленькій Сережа былъ очень высокаго роста, а потому обноски отъ старшихъ братьевъ ему не годились. Мать долго думала, чтобы сдѣлать, и, наконецъ придумала: изъ двухъ брюкъ старшихъ братьевъ она сшила ему одни брюки, а изъ двухъ пиджаковъ одинъ пиджакъ. Когда маленький Сережа въ новомъ костюмѣ вышелъ на улицу, то обыватели закричали:

— Вотъ человѣкъ, который будетъ богачемъ: у него четырнадцать кармановъ! И, дѣйствительно, Сережа сдѣлался большимъ богачемъ: къ тому времени онъ прибавилъ къ четырнадцати карманамъ одинъ портфель.

Два мастера.

Жили два мастера. Одинъ дѣлалъ крышки часовъ, а другой ихъ внутренность. Первый назывался „наружныхъ дѣлъ мастеромъ“ а второй „мастеромъ внутреннихъ дѣлъ“. Однажды они поспорили между собою, кто изъ нихъ важнѣе, а за разрѣшеніемъ спора пошли къ главному мастеру. А тотъ имъ сказалъ:

— Вы оба никуда не годитесь, но все таки, мастеръ внутреннихъ дѣлъ будетъ поважнѣе!

Мастеръ наружныхъ дѣлъ обидѣлся и взялъ разсчитать.

— Что же я буду дѣлать теперь,—спохватился главный мастеръ, а потомъ ударилъ себя ладонью по лбу и закричалъ:

— Ахъ, я—Акимъ простота!

И выписалъ мастера изъ Одессы.

Миротворецъ.

— Чтобы сдѣлать съ Москвою, чтобы она не бунтовала?—спросили одного адмирала.

— Отдубасить!—отвѣтилъ онъ и тотчасъ же былъ посланъ умиротворять Москву.

— Ну что?—спросили потомъ по телеграфу, —умиротворили Москву?

— Почти, отвѣтилъ онъ, еще одинъ только залпъ и можно строить новую Москву

На экзаменѣ.

Одного казака спросили, сколько чувствъ у человѣка?

— Пять чувствъ, отвѣтилъ онъ,—и одно безчувствіе!

— А именно:

— Обоняніе, осязаніе, слухъ, зрѣніе, вкусъ... и нагайка!

C'est moi.

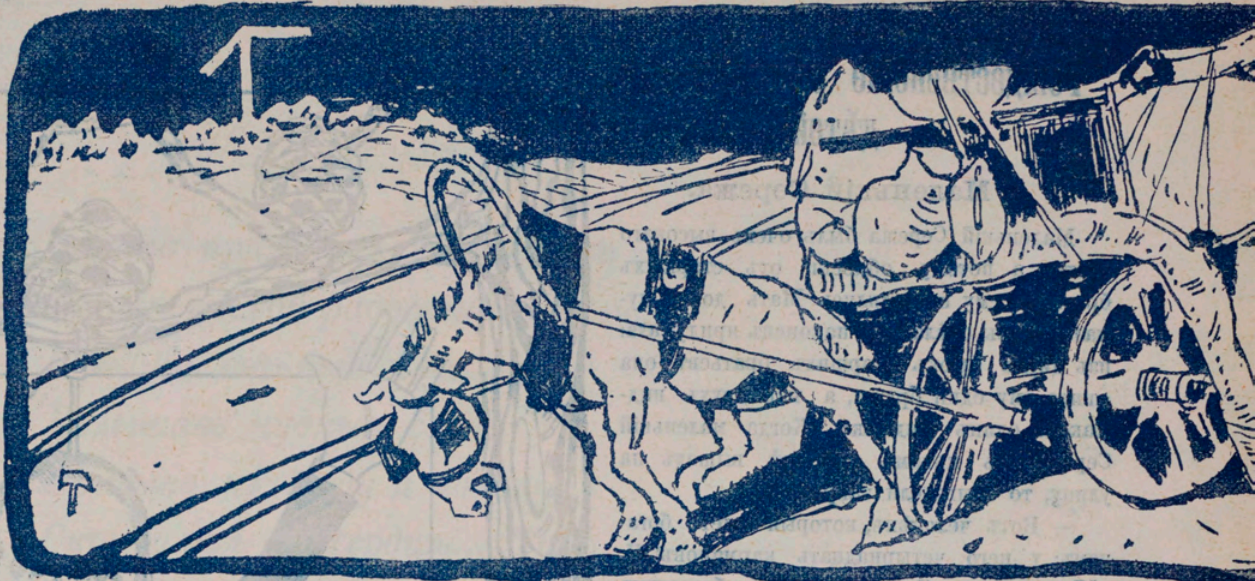
Радъ дѣти игрушкѣ этой

Повсюду воспѣтой!..

Даже дѣти... израиля!

Ее не расхаили!...

По слухамъ знаменитому графу Бобринскому изъ „Малевки“ заказано издателями реакціонныхъ газетъ особое механическое приспособленіе для полученія къ праздникамъ утѣшительныхъ извѣстій. Машина необыкновенно проста, и приводится въ дѣйствіе окологороднымъ надзирателемъ и однимъ городовымъ. Приступать при повсемѣстныхъ демонстраціяхъ командуются спеціальныя корреспонденты.

Ну тащися, сивка,
Прочь, не удержио!
Увози остатки
Старого режима!

Общественныя и политическія шалости.

Какъ бытъ?

Подвоза нѣтъ! Ужель придется
Безъ гуся быть столицѣ всей,
Когда у насъ всегда найдется
Не мало „лапчатыхъ“ гусей?

* *

Два дерева.

Точно осы, безъ умолку
Дѣти просятъ сдѣлать елку
Побогаче и пышнѣй...
И мнѣ кажется, ей-ей,
Что въ такой семьѣ осиной
„Елка“ будетъ мнѣ „осиной“!

* *

Въ модномъ магазинѣ.

— Дайте мнѣ пару министровъ!
— Простите, мы министрами не торгуемъ!..
— Ахъ, простите и вы меня!.. Я хотѣлъ сказать... перчатокъ... Онѣ вѣдь такъ-же часто мѣняются!

* *

Повиновеніе.

— „Наука! Стой!“
Сказалъ Толстой.
И, услышавши голосъ чистый
Остановились... гимназисты.

По слухамъ знаменитому графу Бобринскому изъ „Малевки“ заказано издателями реакціонныхъ газетъ особое механическое приспособленіе для полученія къ праздникамъ утѣшительныхъ извѣстій. Машина необыкновенно проста, и приводится въ дѣйствіе околodочнымъ надзирателемъ и однимъ городовымъ. При-
стутствовать при повсемѣстныхъ демонстраціяхъ командируются спеціальныя корреспонденты.

Ну тащися, сивка,
Прочь, неуждержимо!
Увози остатки
Старого режима!

Общественныя и политическія шалости.

Какъ быть?

Подвоза нѣтъ! Ужель придется
Безъ гуся быть столицѣ всей,
Когда у насъ всегда найдется
Не мало „лапчатыхъ“ гусей?

**

Два дерева.

Точно осы, безъ умолку
Дѣти просятъ сдѣлать елку
Побогаче и пышнѣй...
И мнѣ кажется, ей-ей,
Что въ такой семьѣ осиною
„Елка“ будетъ мнѣ „осиною“!

**

Въ модномъ магазинѣ.

— Дайте мнѣ пару министровъ!
— Простите, мы министрамъ не торгуемъ!..
— Ахъ, простите и вы меня!.. Я хотѣлъ ска-
зать... перчатокъ... Онѣ вѣдь такъ-же часто мѣ-
няются!

**

Повиновеніе.

— „Наука! Стой!“
Сказалъ Толстой.
И, услышавши голосъ чистый
Остановились... гимназисты.

Полемика.

Два капитана... Оба въ рангѣ...
И тотъ и этотъ тѣмъ статей,
Какъ атлетическія штанги,
Бросаютъ въ вихрь злыхъ страстей...
Но въ чемъ же споръ то ихъ? Да, право,
О томъ не вѣдаетъ никто!
Вѣдь какъ ни мудрствуютъ лукаво,
А въ рѣчкѣ тонетъ рѣшето!

**

Эпитафія.

Подъ камнемъ симъ.
Лежитъ булыгинскій режимъ...
Прохожі! Если ты свободы былъ сподвижникъ,
То положи еще одинъ булыжникъ!

**

Въ деревнѣ.

— Вотъ, Петра, ты въ Питерѣ извозчикомъ
былъ... А возилъ ли ты министровъ?
— Дурова голова!.. Да развѣ министровъ во-
зятъ на извозникахъ? Министрамъ и когда ихъ
приглашаютъ и когда ихъ выгоняютъ, завсегда „ка-
рету“ подаютъ!

**

Почему.

Въ Москвѣ, въ огнѣ кровавой тризны,
Борьба и днемъ и ночью длилась...
Москва есть „сердце“ всей отчизны,
А потому она и „билась“!..

Бѣдный Горикъ.

Современное.

Гудитъ надъ озеромъ набатъ.
Въ огнѣ чернѣя даль трепещетъ,
И снѣговой ея парадъ
Померкнетъ иругъ и вновь забле-
щеть...

То гнѣзда старыя горятъ,
Волной кровавой буре плещетъ,
Встаетъ на брѣга младшій братъ,
И разрываясь цѣпью скрежешетъ...

А, ты, великій бюрократъ,
Какъ прежне патишься назадъ!..

Азъ Слово.

На колокольнѣ, гдѣ алтарь
Любви въ союзѣ съ миромъ,
Смѣненъ канонникъ—пономарь
Военнымъ канониромъ.

Современное.

Гудитъ надъ озеромъ набатъ.
Въ огнѣ чернѣя даль трепещетъ,
И снѣговой ея нарядъ
Померкнетъ вдругъ и вновь за-
щептъ...

То гнѣзда старыя горятъ,
Волной кровавой буря плещетъ,
Встаетъ на брѣга младшій братъ,
И разрываясь цѣпью скрежещетъ...

А, ты, великій бюрократъ,
Какъ прежне патишься назадъ!..

Азъ Слово.

Полемика.

Два капитана... Оба въ рангѣ...
И тотъ и этотъ тьму статей,
Какъ атлетическія штанги,
Бросаютъ въ вихрь злыхъ страстей...
Но въ чемъ же споръ то ихъ? Да, право,
О томъ не вѣдаетъ никто!
Вѣдь какъ ни мудрствуютъ лукаво,
А въ рѣчкѣ тонетъ рѣшето!

Эпитафія.

Подъ камнемъ симъ.
Лежитъ булыгинскій режимъ...
Прохожій! Если ты свободы былъ сподвижникъ,
То положи еще одинъ булыжникъ!

Въ деревнѣ.

— Вотъ, Петра, ты въ Питерѣ извозчикомъ
былъ... А возилъ ли ты министровъ?

— Дурова голова!.. Да развѣ министровъ во-
зятъ на извозникахъ? Министрамъ и когда ихъ
приглашаютъ и когда ихъ выгоняютъ, завсегда „ка-
рету“ подаютъ!

Почему.

Въ Москвѣ, въ огнѣ кровавой тризны,
Борьба и днемъ и ночью длилась...
Москва есть „сердце“ всей отчизны,
А потому она и „билась“!..

Бѣдный Горикъ.

На колокольнѣ, гдѣ алтарь
Любви въ союзѣ съ миромъ,
Смѣненъ канонникъ—пономаръ
Военнымъ канониромъ.

Я слышалъ стоны и проклятья
И муки раненыхъ враговъ,
Смотрѣлъ съ тоской какъ бились
братья

Вдали отъ милыхъ береговъ!..
И пѣнье пуль и свистъ картечи
И рѣки крови, груды тѣлъ,
Ко всѣмъ картинамъ грозной сѣчи
Я приучить себя стужалъ!
Но что въ сравненіи съ войною
Борьба за цѣпи и просторъ,
Когда два брата вышли къ бою
И „одного“ сковалъ „терроръ“.
Когда одинъ со свѣтлымъ взоромъ
Себя на пытки отдаетъ,
А „братъ его“—въ душѣ съ укоромъ
Его по долгу службы бьетъ!
„Рабу“ суроваго закона
Не „до-пощадъ“... рука моя
Отца сразила у Омона...
Не въ силахъ больше вынести я!..
Довольно! Больше я не стану
По долгу службы убивать
И брату—мощному титану
Штыкъ въ грудь—не мнѣ уже вонзать.

Г. П. К—овъ.

Страстная
седмица въ Москвѣ

Изъ приказа по Москвѣ.

Успокойтесь, баре,
Дней не будетъ злыхъ!
На „Страстномъ“ бульварѣ
„Семь городовыхъ!“

Московскія событія.

(Сценка).

Пока за утреннимъ чаемъ купецъ Толстопузовъ читалъ вслухъ газетныя извѣстія о московскихъ событіяхъ, жена его, сырая, полная женщина—все время охала, вздыхала и точно отчего-то открещивалась.

— Да скажи ты мнѣ, Иванъ Силантьевичъ,—наконецъ взмолилась она,—какъ же это такъ?... Въ Москвѣ и вдругъ такіе ужасы!

— На то и Москва,—дѣловито отвѣчалъ Толстопузовъ,—Москва всему голова! Ужъ тамъ ежели, примѣрно, селянку подадутъ, такъ десяти бюрократамъ не слопать! Даромъ что одна порція!... Спросишь водки на одного, а подадутъ столько, что вся перинная опьянѣть можетъ! Тоже вотъ и на счетъ чаю! Одной порціей всю манчжурскую армию напоить можно.

— А все таки, Иванъ Силантьевичъ, что-то не ладно творится! Кругомъ, можно сказать, святыни нетлѣбныя, а рядышкомъ кровь проливается...

— На счетъ крови по московски!... Москва на кровавомъ болотѣ построена... Оттого тамъ и колодцы не роютъ...

— Какая же тамъ кровь?

— Всякая! И русская, и польская, и татарская... А русской больше всего!

— И почему это?

— Слава тебѣ, Господи! Москвичамъ то крови не занимать стать!.. Чуть что въ рукопашную! То хитровцы на охотнорядцевъ, то охотнорядцы на хитровцевъ... Безъ крови Москвичи и свадьбы не играютъ...

— Ну а теперь то что?

— Теперь, другое дѣло! Теперь минифистація съ демонстраціей воюютъ?...

— А кто же онѣ такіе?... Московскія купчихи, или артистки балетныя будутъ?

— Дура ты была и дурой и останешься! Не артисты это и не купчихи... а такъ мозговое мнѣніе одно...

— Такъ вѣдь изъ пушекъ стрѣляютъ!...

— А почему бы и не стрѣлять! Слава тебѣ Господи, Москва не Манчжурія... Стрѣлай, сколько хочешь! Никто не помѣшаетъ!..

— А пулеметы зачѣмъ!

Теперь на нихъ мода! Не успѣли на войнѣ, такъ теперь практикуются...

А барикада... Поди тоже на манеръ пушки какой..

А ну тебя къ лѣшему! Что и разговаривать съ тобой, ежели ты въ артиллерійской политикѣ ни уха ни рыла не понимаешь...

— Купецъ вышелъ въ лавку, а купчиха продолжала креститься...

Жученъ.

МОЛОТОЧКИ.

Спрашивает дочка у отца:

— Папа, драгунъ и драконъ одно и тоже?

— Отъ какого слова происходит революція?*

— Гм... Какъ вамъ сказать?... Вѣроятно отъ словъ: револьверъ и эволюція.*

Гимназисты на „рождественской аттестаціи“ получили по 4 и 5 баловъ за „отличное поведение“.*

Газетчикъ, увидя шествующаго на встрѣчу городского, началъ удирать „со всѣхъ ногъ“.

— Отчего ты испугался?—спрашиваютъ его.

— Какъ же-съ? вѣдь это новый цензоръ!

яноТ

Изъ копилки курьезовъ.

Калоша капитана 1-го ранга. Изъ Кронштадта намъ сообщаютъ, что, къ общему удивленію всѣхъ морскихъ офицеровъ, по экипажамъ была разослана слѣдующая казенная телеграмма штаба старшаго флагмана 1-й флотской дивизіи.

15 декабря 1905 года.

№ 4231.

Въ экипажи 1-й флотской дивизіи.

Въ среду, 14 сего декабря, на собраніи въ штабѣ порта вечеромъ г. командировъ экипажей по уходѣ была по ошибкѣ одѣта галоша съ буквой «Ц» и оставлена безъ буквы. Капитанъ 1-го ранга Цывинскій проситъ доставить ее въ 6-й офицерскій флигель и взять галошу безъ буквы. Подписалъ и. д. флагъ-офицера штабъ-капитанъ Шебалинъ.

Право, даже не знаешь, чему удивляться: воинской ли дисциплинѣ г. Шебалина, разыскивающаго галошу капитана 1-го ранга Цывинскаго, или той крамолѣ, благодаря которой подобные секретные документы появляются въ печати?

(Молва).

Министръ, елка и графъ.

(Рождественская исторія).

Отнявъ отъ родственной земли
И отъ раздолія лѣснаго,
Однажды елку привезли
Въ квартиру барина большого...
Одѣли елку въ мишуру
И освѣтили яркимъ свѣтомъ...
Дѣтей позвали... Боже мой,
Какая радость заиграла
Въ глазахъ оравы молодой
Средь неожиданнаго бала...

Но ночь прошла... проснулся дежъ...

Пришли два дворника, болтая,

И, какъ пустую дребедень,

Швырнули елку въ глубь сарая...

Все это видѣлъ, полный звѣздъ,

Министръ какой-то и замѣтилъ:

Не такъ ли сумраченъ и свѣтъ?

И мой высокій, знатный постъ?

Сегодня гимнъ поютъ мнѣ хоромъ,

Сегодня я яснѣе дня,

А завтра, смотришь, и меня

Отсюда выбросятъ съ позоромъ!

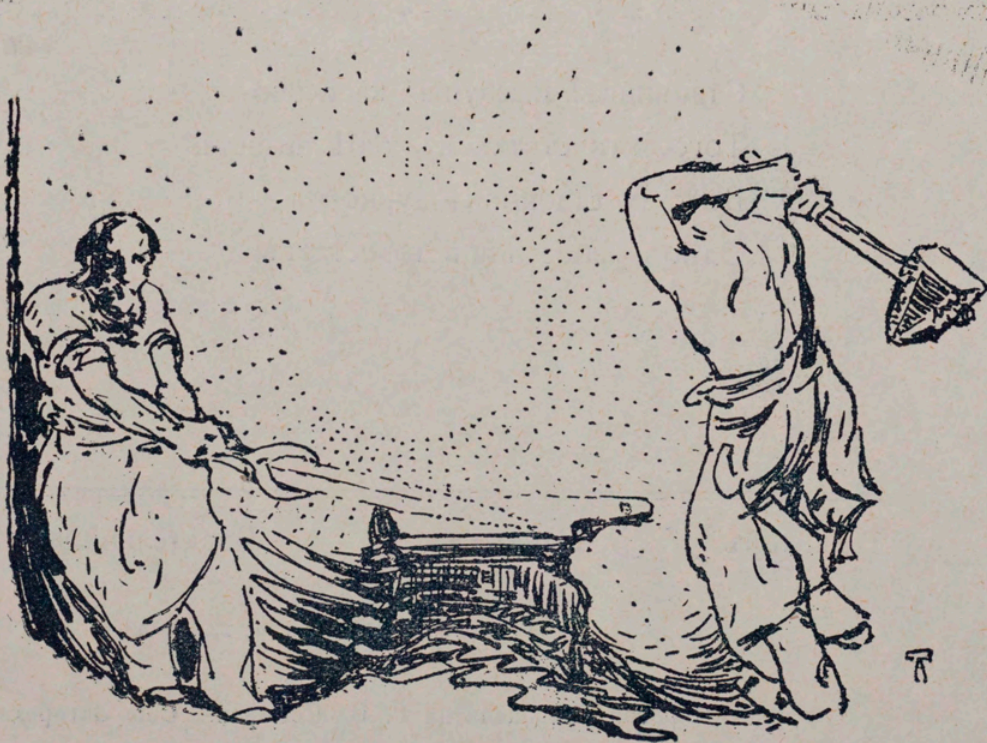
А вѣдь министръ, пожалуй, правъ,—

Подумалъ тайно нѣкій графъ

И приказалъ скорѣй прибраться

Въ своемъ пустующемъ палаццо!

Жучецъ.

Садовникъ! Выслушай-ка слово
Того, кто страхъ къ тебѣ питаетъ:
Въ саду садовника дурного
Одно дурное лишь взростаетъ!

Редакторъ *А. В. Заикинъ.*

Издательница *Л. А. Заикина.*

Редакція: Дегтярный пер., 22, кв. 43.

Паровая Скоропечатня Г. П. Пожарова. Спб. Загородный, 8.